

Саша Чёрный

Скоропостижный помещик

*Часть сборника
Избранная проза*

Солдатские сказки

Саша Чёрный

Скоропостижный помещик

«Public Domain»

1932

Чёрный С.

Скоропостижный помещик / С. Чёрный — «Public Domain»,
1932 — (Солдатские сказки)

«Случай такой был на осенних вольных работах. Копали солдаты у помещика бураки. Вот, стало быть, в один распрекрасный вечер ворочался солдат Кучерявый на своем топчане в хозяйской риге. Невтерпеж ему стало, надышали солдаты густо, – цельная рота, нет никакой возможности...»

Саша Чёрный

Скоропостижный помещик

Случай такой был на осенних вольных работах. Копали солдаты у помещика бураки. Вот, стало быть, в один распрекрасный вечер ворочался солдат Кучерявый на своем топчане в хозяйской риге. Невтерпеж ему стало, надышали солдаты густо, – цельная рота, нет никакой возможности. Дневальный, к нему спиной повернувшись, устав внутренней службы долбит. Ночничок копит. Чего же зевать? Скочил он тихим манером с койки, шинельку и вещевой мешок прихватил, пошел себе искать покою. Ходил-бродил и забрался в людскую баню, что на задворках стояла. Соломки в угол подбросил, устроился кое-как, притих и дремлет. Блохи огнем калят, да что ж, ужели из-за такой сволоты не спать...

Однако слышит, кто-то в вещевом мешке копается, – мышь не мышь, будто пес лапами скубет. Лунный дым пол заливает. Приклонил солдат голову, видит – зверь вроде древесной обезьяны. Откуль такому в Волынской губернии взяться? Глянул в другой раз, аж сердце зашлось: сверху рожки, снизу копытца, на пупке зеленый глаз горит. Подтянулся Кучерявый, – солдат не кошка, некогда ему пугаться. Левую ладонь мелким крестом закрестил, изловчился и хват за мохнатый загривок. Черт и есть, только мелкой масти, – надо полагать, из нестройной чертовой роты самый ледащий.

– Ты чего, гад, в мешке шарил?

– Нитки, – говорит, – воценой искал. Прости, служивый, дьявола ради.

– Зачем тебе, псу, нитки?

– Мышей летучих наловил, взводному бесу на уху. А нанизать, дяденька, не на что.

– Вот я тебе чичас нанижу.

Выудил из кармана трынчик, сыромятный шинельный ремешок, и, ладони не снимая, скрутил бесу лапки, как петуху на базаре. Встряхнул и сел сверху.

– Ндравится?

– Чему ндравиться? Дурак стоеросовый. Пользы своей не понимаешь.

И захныкал.

– Кака така польза? Чего врешь?

– Солдат врет, а черт как стеклышко. Ты б меня отпустил, я б тебе за это исполнение желания, как полагается, сделал.

– Надуешь, кишка тараканья.

– Ну, жди до свету. Может, я днем дымом растекусь, будешь, дурак, с прибылью. Чертово слово – как штык. Не гнется. Ты где ж слыхал, чтоб наш брат обещанья не сполнял. Ась?.. А, между прочим, зад у тебя, солдат, чижолый. Чтоб ты сдох.

И опять захныкал.

Задумался Кучерявый. Чего ж пожелать? Сыт, здоров, рожа как репа. Однако машинка у него заиграла, а черт тем часом перемогся, дремать стал, – глаз на пупке, как у курицы, пленкой завело.

– Ладно. Что дрыхнешь-то? Тут тебе не спальня вагон. Сполняй желание: желаю быть здешним помещиком. Поживу всласть, мозговых косточек пососу... Хоть на час, да вскачь. Делай!

Черт лапой пасть прикрыл: смешно ему, да обнаруживать нельзя.

– Что ж, – говорит, – вали... Удалось картавому крякнуть. Это ты, солдат, здорово удумал.

– А куда ж ты настоящего помещика определишь?

– Не твоя забота месить чужое болото. Подземелье у нас за дубняком есть: там и переспит, очумевши. А когда тебе надоест...

– Чего ж тогда делать-то?

– Волос у меня выдери да припрядь. Подпалишь его на свечке – помещик опять на своем отоман-диване зеньки протрет, а ты прямо к вечерней поверке на свое место встрянешь. Понял?

– И козел поймет. Только как бы мне за самовольную отлучку не нагорело. Фельдфебель у нас, брат... шутник.

– Эх ты, мозоль армейский. В помещики лезет, а наказаний боится. Ну, и сиди до утра, дави мои кости, – хрен сухой и получишь.

Привстал Кучерявый, ладонь с загривка снял. Плюнул ему черт промеж ясных глаз. Слово такое волшебное завинтил, – аж по углам зашипело: «Чур-чура, ни пуха, ни пера... Солдатская ложка узка, таскает по три куска; распяль пошире – вытащит и четыре». Зареготал черт и сгинул.

И смыло солдата, как пар со щей, а куда – неизвестно.

* * *

Наутро протирает тугие глаза – под ребрами диван-отоман, офицерским сукном крытый, на стене ковер – пастух пастушку деликатно уговаривает; в окне розовый куст торчит. Глянул он наискосок в зеркало: борода чернявая, волос на голове завитой, помещицкий, на грудях аграмантовая запонка. Вот тебе и бес. Аккуратный, хлюст, попался. Крякнул Кучерявый. Возшел малый, в дверях стал, замечание ему чичас сделал:

– Поздно, сударь, дрыхнуть изволите. Барыня кипит, – третий кофий на столе перепревши.

– Ты ж с кем, – отвечает солдат, – разговариваешь? Каблуки вместе, живот подбери.

– Некогда, – говорит, – мне с животами возжаться. Барыня сердает. Приказала вас сею минуту взбудить. Все дела проспали.

– Как барыню зовут-то?

Шарахнулся малый:

– Аграфеной Петровной. Шутить изволите?

– А тебя как кличут?

– Ильей пятый десяток величают. Каждая курица во дворе знает.

Спугался слуга. Помещик у них тихий, непьющий, – барыня строгая, винного духу не допускала. С чего бы такое затмение?

Влез солдат в поддевку, плисовые шаровары подтянул, сам себе перед зеркалом рапортует:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.